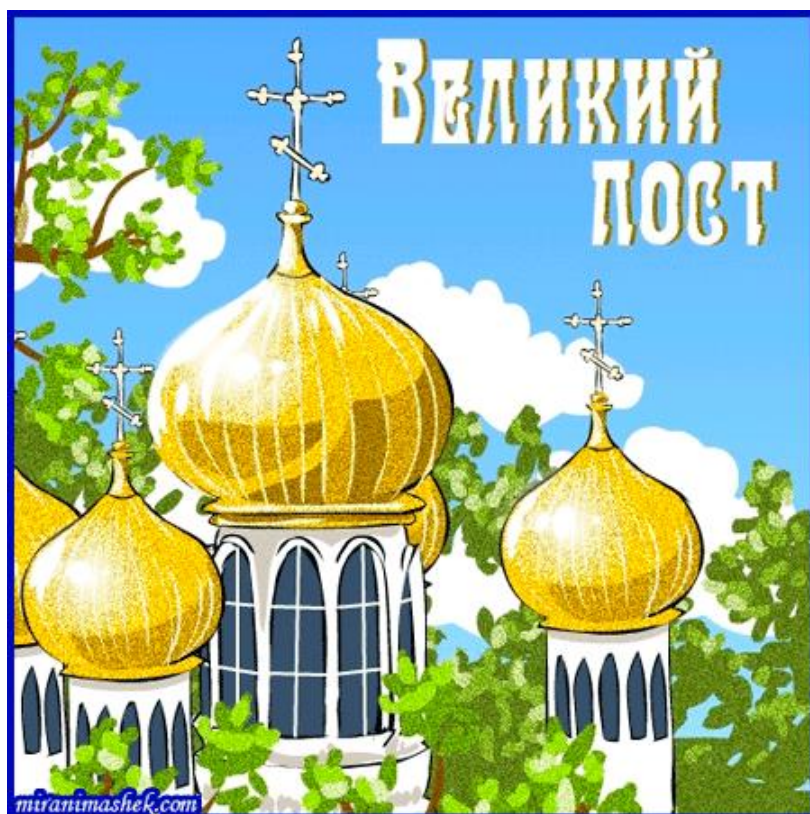

Как постились русские писатели.

Бунин, Чехов и Шмелев о Великом посте.

Дорогие друзья!

Великий Пост, роль которого в жизни любого православного человека очень значима и важна. Идет подготовка к самому **светлому празднику – Пасхе Христовой**. **Страстная неделя** предполагает еще большее воздержание и ограничение не только в пище, но **самое главное – внутреннее духовное очищение человека**.

Наша библиотека предлагает **избранные места из произведений Бунина, Чехова и Шмелева о традициях Великого поста**. Прочитайте наших классиков, их детские воспоминания, описание церкви и церковных служб, "вкусоности" простой русской еды. Это очень интересное и полезное чтение.

Иван Бунин, «Жизнь Арсеньева»

«У нас в доме, поздним вечером, все вдруг делались тогда кроткими, смиренно кланялись друг другу, прося друг у друга прощенья; все как бы разлучались друг с другом, думая и боясь, как бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей последней ночью на земле. Думал так и я и всегда ложился в постель с тяжелым сердцем перед могущим быть в эту роковую ночь Страшным Судом, каким-то грозным «Вторым Пришествием» и, что хуже всего, «восстанием всех мертвых».

А потом начинался **Великий пост — целых шесть недель отказа от жизни, от всех ее радостей. А там — Страстная неделя, когда умирал даже Сам Спаситель...**

На Страстной, среди предпраздничных хлопот, все тоже грустили, сугубо постились, говели — даже отец тщетно старался грустить и говеть, — и я уже знал, что в пятницу поставят пред алтарем в рождественской церкви то, что называется плащаницей и что так страшно — как некое подобие гроба Христа — описывали мне, в ту пору еще никогда не видевшему ее, мать и нянька.

К вечеру Великой субботы дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благодной и счастливой, тихо ждущей в своем благообразии великого Христова праздника.

Антон Чехов, «На страстной неделе»

Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно я открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества.

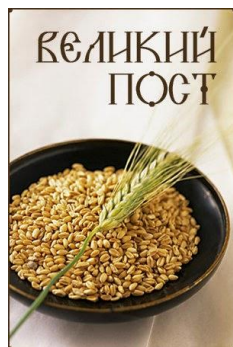
Богородица и любимый ученик Иисуса Христа, изображенные в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я

чужой, лишней, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми....

Возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники. Теперь уж и я двигаюсь за ширмы. Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху. Подхожу к аналою, который выше меня. На мгновение у меня в глазах мелькает равнодушное, утомленное лицо священника, но дальше я вижу только его рукав с голубой подкладкой, крест и край анаоя.

Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу строгий голос, и моя щека, обращенная к нему, начинает гореть... Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренне, не своим, каким-то странным голосом, вспоминаю одиноких богородицу и Иоанна Богослова, распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения.

— Тебя как зовут? — спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью.

Как теперь легко, как радостно на душе! Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай! Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными...

Придя домой, я, чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложусь в постель... Мне слышно, как в столовой накрывают на стол — это собираются ужинать; будут есть винегрет, пирожки с капустой и жареного судака. Как мне хочется есть!

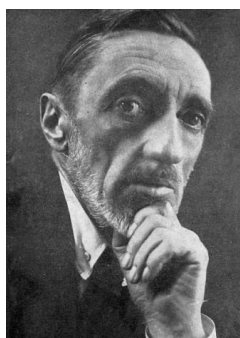
Я согласен терпеть всякие мучения, жить в пустыне без матери, кормить медведей из собственных рук, но только сначала съесть бы хоть один пирожок с капустой!

— Боже, очисти меня грешного, — молюсь я, укрываясь с головой. — Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа.

На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело, смело, чувствуя, что я причастник, что на мне роскошная и дорогая рубаха, сшитая из шелкового платья, оставшегося после бабушки.

В церкви все дышит радостью, счастьем и весной; лица богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, все прошлое предано забвению, все прощено.

Иван Шмелев, «Лето Господне»

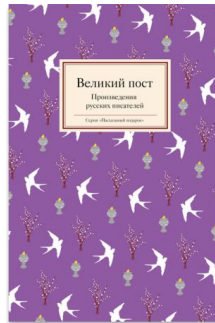

Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий Пост. Розовые занавески с охотниками и утками уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате.

Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят. Серенькая погода, оттепель. Капает за окном — как плачет. Старый наш плотник «филенщик» Горкин сказал вчера, что масленица уйдет — заплачет. Вот и заплакала — кап... кап... кап... Вот она! Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, на золоченый пряник «масленицы» — игрушки, принесенные вчера из бань: нет ни медведиков, ни горок, — пропала радость.

И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж «душа начнется», — Горкин вчера рассказывал, — «душу готовить надо». Говеть, поститься, к Светлому Дню готовиться.

Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом. Старая моя нянька Домушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит, и подымается кислый пар, — священный. Он обходит углы и тихо колышет тазом. И надо мной колышет.

Незабвенный, священный запах. **Это пахнет Великий Пост.** Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается, и надо готовиться к той жизни, которая будет... где? Где-то, на небесах. Надо очистить душу от всех: грехов, и потому все кругом — другое. И что-то особенное около нас, невидимое и страшное.

— Христос воскреснет! Потому и пост даден, чтобы к церкви держаться больше, Светлого Дня дожидаться. И не помышлять, понимаешь. Про земное не помышляй! И звонить все станут: помни... по-мни!.. — поокивает он так славно.

Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина, — «Красавица на пиру», — закрыта простынею.

Все домашние очень строги, и в затрапезных платьях с заплатами, и мне велели надеть курточку с продранными локтями. Ковры убрали... В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, — великопостные.

Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар — лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва...

А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»... а «грешники», с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!.. Неужели и там, куда все уходит из этой жизни, будет такое постное!

Велено запрягать Кривую, едем па Постный Рынок. Весь Кремль — золотисто-розовый, над снежной Москва-рекой. Кажется мне, что там — Святое, и нет никого людей. Стены с башнями — чтобы не смели войти враги. Святые сидят в Соборах. И спят Цари. И потому так тихо. Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дынные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... — были во мне всегда.

Какой же великий торг! Широкие плетушки на саях, — все клюква, клюква, все красное. Ссыпают в щепные короба и в ведра, тащат на головах... И синяя морошка, и черника — на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники!

— Вот он, горох, гляди... хороший горох, мытый. Розовый, желтый, в саях, мешками.

А вот капуста. Широкие кади на саях, кислый и вонький дух. Золотится от солнышка, сочнеет. Вают ее в ведерки и в ушаты, гребут горстями, похрустывают — не горчит ли? А вот и огурцами потянуло, крепким и свежим духом, укропным, хренным.

Играют золотые огурцы в рассоле, пляшут. Вылавливают их ковшами, с палками укропа, с листом смородинным, с дубовым, с хренком. А вот вороха морковки — на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво-сахарная, как арбуз. Кадки соленого арбуза, под капусткой поблескивает зеленой плешкой.

— Сбитню кому, горячего сбитню, угощу?..

— Великопостные самые... сах-харные пышки, пышки!..

— Грешники-черепенники горя-чи, Горячи греш-нички!..

Противни киселей — ломоть копейка. Трещат баранки. Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздринские, — сахарные, розовые, горчичные, с анисом — с тмином, с солью и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный весовой с изюмцем, пеклеванный...

— Ешь, Москва, не жалко!..

А вот и медовый ряд. Пахнет церковно, воском. Малиновый, золотистый, — показывает Горкин, — этот называется печатный, энтот — стеклый, спускной... а который темный — с гречишки, а то господский светлый, липнячок-подсед. Липонки, корыта, кадки. Мы пробуем от всех сортов.

А вот — варенье. А там — стопками ледяных тарелок — великопостный сахар, похожий на лед зеленый, и розовый, и красный, и лимонный. А вон, чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмала, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листиком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кувшинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила... и пряники, пряники — нет конца.

Горы гриба сушеного, всех сортов. Стоят водопойные корыта, плавает белый гриб, темный и красношляпный, в пятак и в блюдечко. Висят на жердях стенами. Шатаются парни, завешанные вязанками, пошумливают грибами, хлопают по доскам до звона: какая сушка! Завалены грибами сани, кули, корзины...

От Кремля благовест, вперебой, — другие колокола вступают. И с розовой церковки, с мелкими главками на тонких шейках, у Храма Христа Спасителя, и по реке, подальше, где Малюта Скуратов жил, от Замоскворечья, — благовест: все зовут. Я оглядываюсь на Кремль; золотится Иван Великий, внизу темнее, и глухой — не его ли — колокол томительно посылает — помни!..

Кривая идет ровным, надежным ходом, и звоны плывут над нами. Помню.